

УДК 27-788

ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МОНАСТЫРЕЙ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ В XVII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.

© О.Е. Наумова

В статье освещена хозяйственная деятельность восточно-сибирских монастырей в указанный период. В ней рассмотрены основные составляющие монастырского хозяйства, раскрыты его особенности, присущие монастырям только данного региона. В статье показан вклад монастырей в хозяйственно-экономическое развитие Восточной Сибири.

Ключевые слова: вкладчики, деревня, епархия, земледелие, крестьяне, монастыри, промыслы, секуляризация, хозяйство, церковь.

ECONOMIC ACTIVITY OF THE MONASTERIES OF RUSSIAN ORTHODOX CHURCH IN EASTERN SIBERIA IN XVII – 1ST HALF OF XIX CENTURIES

© О.Е. Naumova

The article is devoted to economic activity of the Eastern Siberian monasteries in XVII – 1st half of XIX cen. Author describes main aspects of the monastery economy as well as their specifics and focuses on their impact in to the economy development in Eastern Siberia.

Key words: investor, village, eparchy, husbandry, peasants, monasteries, field activities, secularization, economy, church.

В XVII и XVIII веках (до секуляризации) монастыри являлись главным хозяйственным звеном в системе церковных учреждений Русской православной церкви в Восточной Сибири.

Старейшими среди них были Якутский Спасский, основанный в 1662 г., и Киренский Троицкий, основанный в 1663 г. Несколько позже, в 1672 г. началось строительство Иркутского Вознесенского монастыря. Возникновение Селенгинского Троицкого и Посольского Преображенского монастырей связано с историей первой православной миссии в Забайкалье. В феврале 1681 г. по повелению царя Федора Алексеевича и патриарха Иоакима из Москвы на Селенгу отправилась миссия из 12 человек, которая и основала в 1683 г. Селенгинский, а затем Посольский монастыри. В 1693 г. в Иркутске был основан единственный в Восточной Сибири женский монастырь – Знаменский. В начале XVIII в. закладывается Нерчинский Успенский мо-

настырь, упраздненный в 1773 г. в связи с секуляризацией¹. В целом, к моменту образования Иркутской епархии в 1727 г. сеть монастырей в Восточной Сибири практически сформировалась.

Монастыри энергично занимались хозяйственной деятельностью, уделяя особое внимание на первом этапе своего существования расширению земельных наделов. Их рост шел традиционным для России путем – через царские пожалования, вклады, покупку и прямые захваты.

¹ Следует отметить, что исследователь хозяйства сибирских монастырей Л.П. Шорохов ошибочно считал, что в Восточной Сибири в начале XVIII в. был основан еще один монастырь – Якутский Покровский, упраздненный при секуляризации [см.: 18, с. 31]. В действительности это была Покровская пустынь, основанная по указу тобольского митрополита Филофея Лещинского. В 1724 г. ее приписали к Якутскому Спасскому монастырю – см.: Иркутские епарх. вед. 1862. № 28. С. 417.

Основной формой приобретения земли являлись царские дачи. Так, Иркутский Вознесенский монастырь в 1688 г. получил царскую грамоту на приобретение земли по р. Иркут и Белая [18, с. 55]. Посольскому Преображенскому монастырю в 1713 г. были отведены 50 десятин «порожней» пахотной земли по р. Куяде и там же земля под сенокосы на 500 копен [4, с. 607]. Земельные наделы имели все монастыри епархии.

На своих землях монастыри основывали земледельческие поселения. Тем самым они способствовали развитию земледелия в Восточной Сибири и ее заселению русским населением. В частности, тот же Вознесенский монастырь на землях в районе р. Иркут основал Введенскую слободу и деревню Баклашинскую, а в районе р. Белой Бадосскую слободу и три деревни [18, с. 55]. На землях Нерчинского Успенского монастыря было основано село Монастырское на р. Шилке [9, с. 44]. Также в разные годы к этой обители числились приписанными до 10 селений в разных частях Восточного Забайкалья. В вотчинах Селенгинского и Посольского монастырей возникли села: Троицкое, Посольское, Куяда, Кудара, Голоустное, Творогово, Купалейское, Еланское, ставшие одновременно и православными приходами [12, с. 239].

В целом, накануне секуляризации монастыри епархии, по оценке Л.П. Шорохова, владели 2528 десятинами земли, 38 деревнями, в которых проживало 2869 крестьян мужского пола [18, с. 62, 86]. Данные о численности крестьян вызывают некоторые сомнения. Дело в том, что ранее, еще в начале XIX в., известный исследователь истории православной церкви епископ Амвросий Орнатский в своем многотомном труде «История российской иерархии» попытался на основе изучения документальных источников установить численность крестьян накануне секуляризации по всем российским монастырям. По Иркутской епархии он привел следующие данные: Иркутский Вознесенский монастырь владел 614 крестьянами мужского пола, Иркутский Знаменский – 355, Посольский – 233, Нерчинский – 150 и Якутский – 87 [2, с. 580; 3, с. 192; 4, с. 161, 615; 5, с. 834], итого 1439 чел. В его списке отсутствуют

данные по Киренскому и Селенгинскому монастырям. Однако, учитывая слабую заселенность Восточной Сибири русскими крестьянами в это время, а также сравнительно небольшие общие размеры монастырского землевладения по сравнению с монастырями Европейской России, представляется маловероятным, чтобы численность монастырских крестьян значительно превышала 2000 лиц мужского пола, что также само по себе является значительной цифрой и достаточно характеризует роль монастырей в заселении региона².

Основу хозяйства большинства монастырей епархии составляли земледелие и скотоводство. Монастырские вотчины довольно интенсивно развивались в первой половине XVIII в. Это наглядно видно на примере Селенгинского Троицкого монастыря. Селенгинский монастырь являлся крупным собственником скота, причем его поголовье постоянно росло. Если в 1721 г. монастырское стадо насчитывало 125 лошадей и 55 голов крупного рогатого скота, то через двадцать лет, в 1740 г. – уже 830 лошадей и 449 голов крупного рогатого скота [10, с. 160]. В том же 1740 г. сбор хлеба в монастырских вотчинах составил 7300 пудов [18, с. 70].

Господствующими зерновыми культурами в монастырских хозяйствах были рожь, овес, ячмень, конопля. Их урожайность позволяла монастырям в основном обходиться своими продуктами, а также осуществлять поставки в епархию и продавать излишки на рынке. В частности, тот же Селенгинский монастырь в 1740 г. продал 2800 пудов хлеба на сумму 560 рублей [18, с. 72]. Помимо хлеба монастыри активно продавали скот, мясо, рыбу, масло, жиры, крупы и т. д., принимая посильное участие в формировании местного рынка.

В первые десятилетия существования Иркутской епархии монастыри являлись, пожалуй, основной ее опорой. По распоряжению епископов они поддерживали Ир-

² В пользу данного соображения говорят и цифры, приведенные в «Журнале Министерства народного просвещения» за 1840 г. (№ 26). В нем на с. 52 численность монастырских крестьян Восточной Сибири оценивается в 2090 душ мужского пола.

кутскую духовную школу³ и приходское духовенство во вновь организованных приходах. Роль монастырей в жизни епархии и их вклад в укрепление положения православной церкви в регионе хорошо видны на примере Посольского Преображенского монастыря. В 1727 г. Иннокентий Кульчицкий обязал этот монастырь содержать семь учеников иркутской школы. Согласно распоряжению епископа, монастырь должен был ежемесячно отпускать на каждого из них: денег по 10 алтын (30 копеек), ржаной муки по 2 пуда, круп по 5 фунтов, соли по 2 фунта. Эти продукты и деньги выдавались монастырем в течение двадцати лет [4, с. 610], до временного закрытия школы. Посольский монастырь также обязали содержать церкви в Кяхте и Троицкосавской крепости. Например, Кяхтинской церкви он ежегодно с 1728 по 1736 г. поставлял: 20 фунтов воска, 0,5 ведра церковного вина, 3 фунта святилен, 5 пудов пшеничной муки на просфоры; а ее причту: 100 пудов ржаной муки, 3 пуда ячменной крупы, 4 пуда толочна, 2,5 пуда гороха, 2 бочки омулей, 3 пуда юколы сиговой (вяленый сиг), 0,25 пуда мяса коровьего, по 1 пуду жира говяжьего и омулевого, священнику – шубу и суконную рясу, дьячку и старосте – по шубе и зипуну, каждому по 24 аршина холста на рубахи, по 2 шапки, по паре суконных чулок и по паре рукавиц [18, с. 610–611].

Монастыри Иркутской епархии не только способствовали укреплению позиций православной церкви в Восточной Сибири и ее хозяйственному освоению. Нередко они становились пионерами развития региона. Так, именно монахи Якутского Спасского монастыря в первой половине XVIII в. стали основоположниками земледелия в Якутии и на Камчатке, где, по свидетельству известного путешественника и исследователя С.П. Крашенинникова, им удавалось собирать приличные урожаи ржи и ячменя [7; 9, с. 116; 12, с. 242].

Монастырская пашня состояла из двух частей: собственно монастырской и крестьянской (переданной в пользование крестьянам). Первая играла ведущую роль в земле-

делии. В частности, в Селенгинском монастыре монастырская пашня составляла 102 десятины, а крестьянская 52 десятины [18, с. 78]. Ведущей формой феодальной ренты для монастырских крестьян в Восточной Сибири являлся натуральный оброк. Все крестьяне платили монастырям пятую часть урожая («пятину»). Наряду с оброком применялась и отработочная рента на монастырских полях. Помимо этого, крестьяне обязаны были поставлять в монастыри различные припасы (сено, дрова, яйца, масло, лошадей с подводами и т. п.).

В то же время историки не раз отмечали, что в Сибири для монастырских хозяйств характерным было не усиление крепостнического прессы на крестьян (как в Европейской России), а наоборот, известное «размягчение» феодальных отношений, что находило свое отражение в преобладании оброка, в использовании наемного труда.

С этим выводом, видимо, следует согласиться. Хотя, конечно же, не надо идеализировать отношения между сибирскими монастырями и монастырскими крестьянами. Нередко они складывались совсем не просто. Так, в Государственном архиве Иркутской области (фонд 482), где хранятся документы Киренского Троицкого монастыря, сохранились материалы о волнениях, «самовольстве и ослушании» крестьян этого монастыря в 1756 г. Монастыри вообще пытались доступными им мерами расширить круг зависимых людей. Например, в 1748 г. Сенат рассматривал ходатайство Иннокентия Неруновича о разрешении иркутским монастырям использовать труд людей с просроченными паспортами [15].

Важную роль в хозяйстве восточно-сибирских монастырей играли различные промыслы (рыбный, соляной, кожевенный и др.), которые приносили большой доход монастырским хозяйствам. Поэтому монастыри всеми силами стремились обзавестись промыслами. Особенно широкие масштабы этот процесс принял в XVIII в. В частности, в 1705 г. по указу Петра I и Сибирского приказа Вознесенскому монастырю пожаловали во владение Усольское соляное месторождение, где монастырь основал солеварницу. Соляные промыслы име-

³ Первоначально, при создании школы именно на епархиальные монастыри было возложено ее содержание.

ли также Якутский Спасский и Селенгинский Троицкий монастыри. Последнему, помимо этого, принадлежала еще и рыбная ловля на оз. Котокель. Рыбная ловля на оз. Байкал занимала заметное место в хозяйствах Киренского Троицкого и Посольского Преображенского монастырей, особенно последнего, которому первоначально в 1707 г. по указу Петра I отвели рыбную ловлю в урочище Каргинский (Посольский) Сор на Байкале, а впоследствии, в 1727 г. предоставили право рыбной ловли в любой точке Байкала, за исключением устья р. Селенги. Кроме рыбной ловли, Посольский монастырь накануне секуляризации являлся владельцем четырех мукомольных мельниц, первую из которых построили еще в 1724 г. [4, с. 605–615]. Промыслы служили монастырям основным источником дохода от хозяйственной деятельности. Например, Вознесенский монастырь на поставках соли в казну (по 10 копеек за пуд) заработал в 1762–1763 гг. 3134 рубля [18, с. 80].

Развитие промыслов способствовало распространению наемного труда в монастырских хозяйствах Иркутской епархии. В течение XVIII в. доля наемного труда неуклонно возрастала. Его использовали не только на промыслах, но и в строительстве, скотоводстве и даже в земледелии, привлекая монастырских крестьян на условиях денежной или натуральной платы. Например, в 1762 г. Посольский монастырь выплачивал девяти своим крестьянам за различные работы 69 рублей [18, с. 104]. Надо сказать, что, в отличие от других районов страны, наемный труд в монастырских хозяйствах наиболее широко был распространен именно в Восточной Сибири. Практически все местные монастыри содержали по несколько десятков наемных рабочих [18, с. 104–111].

Помимо использования труда монастырских крестьян и наемных работников, хозяйство монастырей опиралось на систему вкладчиков. Существовали две категории вкладчиков – богатые и бедные. Состоятельные вкладчики передавали монастырям в качестве вкладов землю, деньги, меха, драгоценности, хлеб, скот и т. п. Например, яренский купец Г.А. Осколков в начале XVIII в. в качестве вклада в Посоль-

ский монастырь выстроил там кельи для настоятеля и монахов (братии), передал 300 тыс. штук кирпича и скотный двор с табуном лошадей [4, с. 607]. Вклады вносились как оплата права погребения в монастыре и занесения в его поминальную книгу. Резко отличались от богатых вкладчиков вкладчики, обрабатывавшие вклады своим личным трудом. По существу, для этой категории вкладничество представляло собой специфическую форму добровольного превращения пришлых «гулящих людей» в феодально-зависимое население монастырей. В хозяйствах монастырей Иркутской епархии такие вкладчики играли особенно крупную роль. Они выполняли самые различные работы, но чаще всего на монастырских промыслах. В первой половине XVIII в., по оценке Л.П. Шорохова, на их долю приходилось от 50 до 90 % всего населения монастырских вотчин [18, с. 112–113].

В целом, накануне секуляризации 1764 года восточно-сибирские монастыри представляли собой достаточно крепкие хозяйственные единицы. Штат семи епархиальных монастырей насчитывал в 1762 г. 48 лиц монашеского сана (в шести мужских – 41: 1 архимандрит, 2 игумена, 3 наместника, 2 строителя, 3 эконома, 2 казначея, 14 иеромонахов, 3 иеродьякона, 7 рядовых монахов, 4 больничных монаха; в женском – 7: 1 наместница, 1 казначееца, 5 рядовых монахинь) [1, с. LXXX]. Следует отметить, что, по сравнению с первой половиной XVIII в., их число сократилось более чем вдвое. Так, согласно ведомости 1745 г., в Иркутской епархии было 117 лиц монашеского сана (1 архимандрит, 4 игумена, 10 иеромонахов, 6 иеродьяконов, 96 монахов) [13, л. 1].

Хозяйственное положение монастырей резко изменилось после 1764 г. в результате секуляризации церковных земель. Монастыри Иркутской епархии преимущественно поступили на содержание государства. Якутский Спасский монастырь до 1798 г. оставался на содержании епархии, а Нерчинский Успенский монастырь был вообще упразднен в 1773 г. Следует отметить, что монастыри Иркутской епархии, в отличие от монастырей других епархий, в основном

уцелели после реформы 1764 г. Как известно, по церковной реформе не получили государственного содержания более половины всех российских монастырей [17, с. 285]. Иркутская же епархия временно потеряла лишь один монастырь⁴. Сохранение восточно-сибирских монастырей объясняется, видимо, теми важными функциями, которые выполняла здесь православная церковь.

Упразднение церковного землевладения сопровождалось разделением оставшихся монастырей на три класса, в соответствии с которыми вводились штаты и определялось денежное содержание. Первоначально все монастыри Иркутской епархии Синод отнес к III классу с годовым содержанием 806 рублей каждому [12, приложение, с. 1]. В 1797 г. Павел I увеличил денежное содержание монастырей до 1436 рублей 50 копеек (для монастырей III класса). Эти деньги расходовались на жалование монахам, на продукты питания и обслуживание различных нужд монастыря. Так, например, в Посольском монастыре в 1816 г. указанная сумма была израсходована следующим образом: игумен получил 200 рублей, пять иеромонахов по 24 рубля, четыре монаха по 20 рублей, подьячий – 16 рублей, остальные деньги потратили на продукты питания и дрова, приобретение церковной утвари и ремонт монастыря, а также на приобретение сена для монастырской конюшни [6, л. 8–16].

Согласно штатному расписанию, мужским монастырям III класса полагалось иметь 12 монашествующих лиц, а женским – 17.

В первой половине XIX в. епархиальные монастыри поднялись по ступеням классификации. В 1836 г. Иркутский Вознесенский монастырь становится монастырем I класса, а Якутский Спаский, Киренский Троицкий и Иркутский Знаменский – монастырями II класса. Следует отметить, что в восточно-сибирских монастырях штатное расписание строго не выдерживалось и больше определялось нуждами и возможностями того или иного монастыря.

⁴ В 1835 г. в Забайкалье основали Чикойский Иоанно-Предтечинский монастырь взамен упраздненного в 1764 г. Нерчинского монастыря.

В частности, штаты Иркутского Вознесенского монастыря после перевода его в монастыри I класса не были постоянными. В среднем монастырь имел, помимо архимандрита, 18–20 монахов (8–10 иеромонахов, 4–5 иеродьяконов, 4–5 монахов и указанных послушников), а также более 100 послушников, принятых временно, которые несли различные мелкие «послужения». Всего же в нем бывало вместе с учениками, мастерами, и рабочими от 150 до 200 чел. [8, с. 669].

Некоторое время спустя после секуляризации начинается восстановление хозяйственной деятельности монастырей Иркутской епархии. (Хотя, конечно, того положения, которое монастыри занимали до 1764 г., они никогда не достигли.) Уже император Павел I позволил российским монастырям иметь до 30 десятин земли. В частности, Посольскому монастырю в 1797 г. были возвращены сенные покосы и рыбные ловли на Байкале [4, с. 619]. Затем Александр I дважды, в 1805 и 1810 гг., разрешал своими указами российским монастырям вновь приобретать недвижимое имущество. Наконец, Николай I в 1838 г. разрешил им приобретать лесные угодья в размере до 150 десятин [17, с. 550]. Данные меры, несомненно, позволили несколько укрепить хозяйственное положение монастырей. Так, Иркутский Вознесенский монастырь в середине XIX в. владел 70 десятинами земли, правда, не приносящими ему дохода [8, с. 670].

Постепенное восстановление хозяйственной деятельности восточно-сибирских монастырей уменьшило их зависимость от государственного содержания и позволило в большей степени влиять на экономическое развитие региона. Например, в 1816 г. Посольский Преображенский монастырь за счет хозяйственной деятельности, пожертвований и церковных сборов получил дополнительный доход в сумме 1321 рубля [6, л. 4–7]. Причем, основную его часть (более 930 рублей) составили доходы от продажи пойманной рыбы.

Иркутский Вознесенский монастырь в середине XIX в. значительную часть доходов получал от своих мастерских (швейной, сапожной, слесарной, переплетной и др.),

процентов с капиталов, а также от продажи свеч, икон, религиозной литературы, образов святых, от платы за требы и молебны. К концу XIX в. эти доходы достигли 50 000 рублей [8, с. 670]. Важную статью дохода монастыря составляли и пожертвования частных лиц. Этот источник активно использовался и до секуляризации. Так, еще в 1737 г. Синод разрешил Вознесенскому монастырю сбор пожертвований в Петербурге и в городах по тракту от столицы до Иркутска на строительство каменной церкви [14, л. 3]. Наиболее значительные пожертвования были сделаны в первой половине XIX в. Например, в 1808 г. купец И.П. Мыльников заказал в Москве для монастыря серебряную раку, купец К.Ф. Трапезников передал большой медно-серебряный подсвечник весом 8 пудов, в 1832 г. надворный советник М.П. Лоскутов пожертвовал три иконы «греческого письма» в серебряных и золоченых ризах, в 1838–1839 гг. на средства купца Н.П. Трапезникова была построена каменная Иннокентьевская церковь в честь канонизированного первого иркутского епископа [11, с. 17–21, 33]. Этот список можно продолжать довольно долго.

В целом, в рассматриваемый период (особенно до секуляризации) монастыри, безусловно, внесли заметный вклад в хозяйственное освоение Восточной Сибири, энергично развивая земледелие, скотоводство, рыболовство, солеварение и др.

Говоря о значении монастырей в жизни региона, не следует забывать, что они вы-

полняли еще одну важную социальную функцию – учреждений общественного призрения. Монастыри становились последним приютом для людей преклонного возраста. Факты свидетельствуют, что, в частности, в первой половине XIX в. основной контингент принявших монашество в мужских монастырях составляли престарелые представители белого духовенства и солдаты, отслужившие двадцатипятилетнюю рекрутскую службу, а в женских – крестьянские вдовы, затем купчихи и мещанки [16, с. 93].

Завершая краткий экскурс в историю хозяйственной деятельности восточно-сибирских монастырей, необходимо отметить, что данные о их реальной деятельности ставят под сомнение еще сравнительно недавно господствовавший в отечественной исторической науке упрощенный взгляд на монастыри XVII–XIX вв. как на, в основном, бесполезные учреждения (кстати, эта точка зрения неоднократно высказывалась и в дореволюционное время). Его распространение объясняется не только идеологическими причинами, но и слабой изученностью темы. История восточно-сибирских монастырей и их роли в жизни региона является довольно сложной, многогранной и малоизученной и, безусловно, требует отдельного самостоятельного и серьезного исследования.

Статья поступила 20.12.2015 г.

Библиографический список

1. Амвросий Орнатский. История российской иерархии. М., 1814. Т. 2. Ч. 2.
2. Амвросий Орнатский. Указ. соч. Ч. 3.
3. Амвросий Орнатский. Указ. соч. Ч. 4.
4. Амвросий Орнатский. Указ. соч. Ч. 5.
5. Амвросий Орнатский. Указ. соч. Ч. 6.
6. Государственный архив Иркутской области. Ф. 50. Оп. 7. Д. 120.
7. Иркутские епархиальные ведомости. 1865. № 32.
8. Иркутские епархиальные ведомости. 1898. № 24.
9. История Дальнего Востока СССР. М., 1991. Т. 2.
10. Машанова Л.В. Хозяйство Селенгинского Троицкого монастыря в первой половине XVIII в. // Вопросы истории Сибири досоветского периода. Новосибирск, 1973.
11. Никодим (архимандрит). Описание Иркутского Вознесенского первоклассного мужского монастыря. СПб, 1840.
12. Покровский И.М. Русские епархии в XVI–XIX вв., их открытие, состав и пределы. Казань, 1913. Т. 2.
13. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф.796. Оп. 12. Д. К 502.
14. РГИА. Ф.796. Оп.16. Д. 91.
15. РГИА. Ф.796. Оп. 26. Д. 385.

16. Ростиславов Д.И. О православном белом и черном духовенстве в России. Лейпциг, 1866.
 17. Русское православие. Вехи истории. М., 1989. 719. с.

18. Шорохов Л.П. Корпоративно-вотчинное землевладение и монастырские крестьяне в Сибири в XVII–XVIII веках. Красноярск, 1983.

References

1. Amvrosii Ornatskii. *Istoriya rossiiskoi ierarkhii* [History of Russian Hierarchy], Moscow, 1814, vol. 2, part 2.
 2. Amvrosii Ornatskii. *Istoriya rossiiskoi ierarkhii* [History of Russian Hierarchy], Moscow, 1814, vol. 2, part 3.
 3. Amvrosii Ornatskii. *Istoriya rossiiskoi ierarkhii* [History of Russian Hierarchy], Moscow, 1814, vol. 2, part 4.
 4. Amvrosii Ornatskii. *Istoriya rossiiskoi ierarkhii* [History of Russian Hierarchy], Moscow, 1814, vol. 2, part 5.
 5. Amvrosii Ornatskii. *Istoriya rossiiskoi ierarkhii* [History of Russian Hierarchy], Moscow, 1814, vol. 2, part 6.
 6. *Gosudarstvennyi arkhiv Irkutskoi oblasti* [State Archive Of Irkutskaya Oblast']. F. 50. Op. 7. D. 120.
 7. *Irkutskie eparkhial'nye vedomosti* [Irkutsk Eparchial News], 1865, No. 32.
 8. *Irkutskie eparkhial'nye vedomosti* [Irkutsk Eparchial News], 1898, No. 24.
 9. *Istoriya Dal'nego Vostoka SSSR* [History of Soviet Far Eastern], Moscow, 1991, vol. 2.
 10. Mashanova L.V. *Khozyaistvo Selenginskogo Troitskogo monastyrya v pervoi polovine XVIII v.* [Economy of Selenginsk's Trinitary Monastery in 1st half of XVIII cen.],

Voprosy istorii Sibiri dosovetskogo perioda, Novosibirsk, 1973.
 11. Nikodim (arkhimandrit). *Opisanie Irkutskogo Voznesenskogo pervoklassnogo muzhskogo monastyrya* [Description of Irkutsk Vosnesensky 1st class Monastery) St. Petersburg, 1840.
 12. Pokrovskii I.M. *Russkie eparkhii v XVI–XIX vv., ikh otkrytie, sostav i pridely* [Russian Eparchies in XVI–XIX cen., their discovery, content and appendixes], Kazan', 1913, vol. 2.
 13. *Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv (RGIA)* [Russian State Historical Archive], F. 796. Op. 12. D. K 502.
 14. *RGIA*. F.796. Op.16. D. 91.
 15. *RGIA*. F.796. Op. 26. D. 385.
 16. Rostislavov D.I. *O pravoslavnom belom i chernom dukhovenstve v Rossii* [To Orthodox white and black clergy in Russia], Leiptsig, 1866.
 17. *Russkoe pravoslavie. Vekhi istorii* [Russian Orthodoxy. Milestones in the history], Moscow, 1989, 719 p.
 18. Shorokhov L.P. *Korporativno-votchinnoe zemlevladenie i monastyrskie krest'yane v Sibiri v XVII–XVIII vekakh* [Corporative-estate agriculture and monastery peasants in Siberia in XVII–XVIII centuries], Krasnoyarsk, 1983.

Сведения об авторе

Наумова Ольга Ефимовна, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории и философии Иркутского национального исследовательского технического университета, 664074, Россия, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83, тел.: (3952) 40-51-86, e-mail: histor@istu.edu
Naumova Olga Efimovna, PhD, associate-professor of the Department of History and Philosophy of Irkutsk National Research Technical University, 664074, Russia, Irkutsk, ul. Lermontova, 83, tel.: (3952) 40-51-86, e-mail: histor@istu.edu